

в Переяславле-Рязанском), что внесло в Сказание элемент путанности, но не лишает его исторической реальности. Перенесение в конце XIV в. епископской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский еще более усложнило Сказание и стало причиной ошибок при его записи в XVI в. Псковский же список начала XVII в. отличается большей документальностью. Окончательное разъяснение этого противоречия, как нам кажется, дает вопрос об авторстве Повести XVI в.

Ермолай-Еразм рисуется как писатель, близкий к кругу митрополита Макария. Наряду с идеей, что «священство выше царства», Ермолаю были свойственны публицистические идеи довольно демократического характера, а также глубокая неприязнь к гордости и несправедливо нажитому богатству вельмож.⁵⁹ Если вспомнить, какое место в муромо-рязанских сказаниях занимают картины противопоставления мудрого князя злокозненным вельможам, а также мотив «испытания судом Божиим»,⁶⁰ то интерес Ермолая к этим сказаниям станет понятен. Ведь некоторые свои произведения «от древних», в частности Повесть о рязанском епископе Василии, Ермолай предназначал для самого Ивана Грозного.⁶¹ Повесть о рязанском епископе Василии Ермолай записал, очевидно, в Муроме, чем и могли быть обусловлены, с одной стороны, черты ее сходства со сказанием о Петре и Февронии, а с другой — противоречия в части, касающейся Рязани. Именно с XVI в. название Рязани стало постепенно переноситься на Переяславль-Рязанский,⁶² что, естественно, могло запутать нерязанца Ермолая. Не случайно его Повесть кончается словами: «хотех бо распротранити и не вем, како написати, понеже отуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголю ложь».

Псковский список написан несомненно рязанцем, о чем говорит отличная историческая осведомленность автора. Литературно-художественная сторона Повести не интересовала автора так, как она интересовала Ермолая; по-видимому, и литературные возможности у рязанского автора были не такие, как у Ермолая. Но зато исторические детали выступили в Повести очень выпукло. Все вместе сказанное придает ей характер исторической достоверности, не считая, конечно, обычных для подобного рода повестей обстоятельств чудесного характера.

Как литературно-исторический памятник Повесть о епископе Василии, и в частности ее Псковский список, нуждается в специальном исследовании. В настоящее время мы можем извлечь из Псковского списка весьма ценные сведения о возвышении Переяславля-Рязанского в XIV в.

Как уже отмечалось выше, Н. Серебрянский неправильно интерпретировал Псковский список. Епископ Василий обосновался и начал строить Борисоглебский храм не в Старой Рязани, а в Переяславле-Рязанском. Это можно понимать как свидетельство о перенесении епископской кафедры в Переяславль-Рязанский именно епископом Василием II. Время этого переноса и строительства епископского Борисоглебского собора определяется приблизительно концом 50-х — началом 60-х годов XIV в. на основе приведенных выше хронологических вех епископства Василия II.⁶³

⁵⁹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 169—184.

⁶⁰ И. Шляпкин. Сборник, стр. 552.

⁶¹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 172—173.

⁶² А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 28.

⁶³ Вероятность переноса епископской кафедры из Рязани (Старой) в Переяславль епископом Василием II не опровергается поставлением последующих епископов. Как раз тут и начинаются неясности в летописях. Бывшие после Василия II епископы Афанасий, Вассиан и Иосиф упоминаются в летописях без означения лет. Далее Феоктист упоминается только в «Истории Российской иерархии». Феогност в 1387 г. «хиротонисан на Рязань», но нельзя утверждать, что здесь имелась в виду Рязань Старая. Формула